

Три судьбы

ЭТО БЫЛО в декабре 1929 года. Войдя в купе мягкого вагона Москва — Нижний Новгород, я увидел девушку, лицо которой показалось мне знакомым. Но, не уверенный в своем впечатлении, я только поздоровался и занял свое место.

— Вы меня не узнаете? — немного стеснясь, спросила девушка. И вот тут, когда облик соединился с голосом, я вспомнил, что нас год назад познакомили в Харькове, в летнем театре «Тиволи», где я тогда гастролировал. Эта девушка всегда сидела в первых рядах, а в антрактах и по окончании приходила за кулисы.

В «Тиволи» в одной программе со

мне понравилась еще больше. Хотя в эти дни мы много шутили, смеялись, я заметил, что в жизни ей свойственны грусть и меланхолия, мечтательная задумчивость. А на сцене вдруг появилась такая современная спортивная девушка, бодрая, задорная. Костюм подчеркивал ее молодость, но и контрастировал с ее поведением. На сцене стояло юное существо, одетое в строгое черное бархатное платье, не закрывавшее ног, белый воротник и большие белые манжеты оттеняли ее юность и придавали особую мягкость всему облику.

В моем репертуаре для этих гастролей, кроме куплетов «Лопни, но

Москве мы проводим два дня, а потом расстаемся. Я еду на гастроли в Харьковский цирк, а Шульженко с пианисткой остается на несколько дней в Москве — нужно было составить новый репертуар.

Придя проводить меня на вокзал, она принесла объемный сверток:

— Это валенки. Пожалуйста, передайте их отцу. Мы живем на Москалевке. Вот адрес. — Затем, понимая всю необычность просьбы, добавила:

— Так, Володя, вам будет легче познакомиться с родителями. Они у меня простые, но сердечные и гостеприимные люди.

В Харькове, чтобы понравиться и произвести впечатление, я надел

ней было связано, я не мог допустить, чтобы она страдала от горя...

И вот я сижу в Одессе, страдаю, люблю и сердцем рвусь в Харьков, не зная, что написать, как оправдаться. А тем временем получаю роковое письмо: «Вы сами разрушили нашу мечту».

Но Бог (уж не знаю, чей) сжалился надо мной: Харьковский Посредрабис прислал мне приглашение выступить в приближающихся майских праздничных концертах.

И вот мы выступаем с Шульженко в одном концерте. Она меня не замечает, а в антракте подводит ко мне какого-то человека и представляет:

Владимир КОРАЛЛИ:

Самые любимые женщины в моей жизни

Моя мать Полина Кемпер
и единственная законная жена Клавдия Шульженко

мной выступала тогда одна из талантливейших на Украине в те годы исполнительниц жанровых песен Ядвига Махина. И вот молодая девушка, сидящая сейчас со мной в купе, чуть ли не каждый день приходила слушать Махину, от которой была в восторге, считая, что у Махиной есть чему поучиться. И не было ничего удивительного, что начинающая тогда в рабочих клубах молодая певица Клавдия Шульженко ходила на концерты, где выступала Махина, как на уроки, изучая ее особое ажурное мастерство.

От Москвы до Нижнего поезд двигался медленно, учитывая скорости того времени, и мы рассказывали друг другу о своей жизни. Я узнал, что она начинала в Харьковском Краснозаводском театре драмы. Хотела быть актрисой. Но режиссер Нелли Влад, ученик Н. Синельникова, открыл в ней способности певицы и так строил спектакли, чтобы в них было место для песни. Она пробовала себя в драматическом театре, в оперетте, но в песне чувствовала себя увереннее всего. И решила стать эстрадной певицей. Теперь мы снова встретились, и оказалось, что за прошедшее время девушка сделала заметные успехи, и теперь ее приглашают в один из мюзикхоллов — Нижегородский. С ней была пианистка Елизавета Резникова.

— Вот видите, Володя, как бывает в жизни, — мы были сверстники и могли обходиться без отцов. — Еще недавно я приходила в «Тиволи», чтобы слушать мастеров и учиться у них, а теперь мы с вами будем выступать целый месяц в одной программе.

Шульженко просила рассказать о творчестве Изы Кремер и Наталии Тамары — ведь мне посчастливилось выступать с ними и в Одессе, и в Москве.

Заметив на ее руке обручальное кольцо, я вопросительно взглянул на Шульженко. Чуть смутившись, она пояснила, что за два дня до отъезда из Харькова была помолвлена (как видите, тогда еще соблюдали эти «дикие» нравы).

— Свадьба весной будущего года, — продолжала она. — Приезжайте, Володя, будете дорогим гостем.

А я вместо того, чтобы поздравить и поблагодарить, вдруг брякнул, все еще поддерживая задорный, шуточный тон нашего разговора:

— На свадьбу, Клавдиша, приеду обязательно, но только не в качестве гостя...

— А в качестве кого же? — с недоумением и растерянностью спросила она.

— В качестве ... вашего жениха.

Оценив всю нелепость и невероятность этой импровизации и приняв все за одесский юмор, мы расхохотались.

Наконец, Нижний Новгород. Нас закрутила предпремьерная суета. Встречи стали беглыми и короткими, но особая романтическая атмосфера вагонного быта сохранилась. Мне, конечно, не терпелось услышать ее пение. Я немного волновался за молодую певицу, потому что это было ответственное выступление — ведь на афише мюзик-холла стояли знаменитые имена уникального жонглера Максимилиана Труцци, единственных в то время исполнительниц русских частушек Веры Андреевны Глебовой и Марии Ивановны Дарской, Георгия Немчинского. Он впервые выступал на эстраде с кино-фильтоном и блестяще владел искусством моментального стихосложения — Буриме. Конферировал Михаил Гаркави.

Но молодая певица не потерялась среди этих мастеров. Обаяние, непосредственность, особая мягкость, доверительный тон, в котором она исполняла свои незатейливые песенки «Чикитта», «Папиросница и матрос», «На санках», покорили сердца слушателей. На сцене она

держала фасон. «Ловите, ловите Жар-птицу», был припасен новый номер — «Эволюция танцев». В каждом танце, будь то вальс, краковяк, танго или чарльстон, создавался образ представителя той или иной социальной среды. Так, например, в старинном вальсе у меня кружились семинарист и генеральская дочка. Но в финале, как бы подчеркивая все эти манеры и ритмы и утверждая ритмы новой жизни, исполнялось залихватское «Яблочко». Этим номером я завершал всю программу мюзик-холла.

Гастроли подходили к концу. В сиянии успеха настроение у всех было самое праздничное. С таким настроением и пришли все участники Нижегородского мюзик-холла в ресторан «Россия» отпраздновать удачное завершение гастролей и встретить Новый, 1930 год.

Мы с Шульженко сидели за столом рядом, и среди тостов и речей, среди шуток и смеха я вдруг заметил, что обручальное кольцо ... исчезло.

— Клавдиша! Что случилось? — спросил я, показывая на палец.

— Володя! О покойниках не надо говорить, — сказала она с тяжелым вздохом.

— Он умер? — спросил я со страхом.

— Для меня... — последовал ответ.

И тут я вспомнил весь наш веселый вагонный разговор. Вспомнил приглашение на свадьбу, мой «прогноз» (в жанре Кашпировского) приехать не в качестве гостя, а в качестве жениха. Смех пианистки Резниковой...

все самое дорогое, что у меня было, — шубу «на лире», как называлась тогда меховая «царская» подкладка, шапку-гоголевку. И, прихватив сшитые валенки, пошел на Москалевку. Москалевка для Харькова — почти то же, что Молдаванка для Одессы. В письме, которое я вскоре получил от Шульженко, она писала, что отец обратил внимание на шубу, на шапку-гоголевку и особенно на хвостики меховой подкладки. И сразу понял, что жених. Выбор одобрил.

Наконец, самое важное, самое главное: «Я посылаю вашей маме письмо, передайте ей, пожалуйста. Выезжайте из Одессы 11 апреля и обязательно ВСТРЕЧАЙТЕ меня. Я не хочу, чтобы меня встретил ДРУГОЙ. А потом мы пошлем вашей ма-

— Знакомьтесь, Володя, — мой жених.

Подавленный, едва скрывая отчаяние, я пробормотал какие-то слова, а сам решил: сейчас же брошу все и еду в Одессу, видеть это я не в силах. Но чувство долга взяло верх и не позволило мне бросить праздничный концерт. Я отработал свой номер и уже собирался было уходить, как снова появилась Шульженко с женихом и с театральным чемоданчиком — как видно, пришла попрощаться.

Что тут со мной сделалось, не знаю, только вырвал я у нее из рук этот чемоданчик и швырнул его в дальний угол. Жених хотел схватить меня «за грудки», но я выхватил браунинг (у меня было право на ношение оружия еще со времен гражданской войны, когда я в составе эстрадной бригады выезжал в районы Одесской губернии, где орудовали остатки банд Тютюника и Григорьева)... Нет, я не собирался в него стрелять — это было рефлекторное движение. Но жених, бросив невесту, которая подбирала пудру, помаду и остальное содержимое чемоданчика, исчез в мгновение ока. В спортивном беге был бы чемпионом!

Я уехал в Одессу. И если до тех пор во мне еще жила неискоренимая уверенность, что все равно мы будем вместе, то теперь я понимал: все кончено. Приближалась весна, Одесса расцветала, но все это меня уже не радовало. Я снова страдал, не ел, не пил, худел, бледнел и ... молчал. Мать, видя, как сын мается (а я родился в мае), не выдерживала, стараясь меня разговорить. А потом изрекала:

— Володюню! (Так она меня называла.) Запомни: тянуться надо к тому, кто к тебе тянется!

Несмотря на всю туманность, а может быть, и мудрость этой фразы, я понял, что она готова сдаться. Но что мне теперь ее согласие! Оно ничего не изменит. Значит, не суждено...

Через десять дней, двадцать второго апреля 1930 года, я получил письмо. Уж не коварное ли это приглашение на чужую свадьбу? Но письмо было полно уныния, пессимизма и ... стихов. Ах, как права была моя мудрая мать!

Я сердцем никогда не лгу.

Над чувством не терплю опеки.

И вот теперь сказать тебе могу —

Ты привязал меня к себе навеки.

И много раз могу я повторить,

Поставив сердце на колени,

Что только Ты даешь мне право

жить,

Взбираясь к счастью по ступеням.

Эти трогательные стихи возымели свое действие. Мой взгляд устремился в угол комнаты, где на этажерке стоял старинный ритуальный семисвечник, перед которым я часто видел маму, коленопреклоненную в молитвах. Я зажег семь свечей и торжественно произнес:

— Всевышний! Прошу прощения за то, что нарушаю закон предков.

...Телеграмма в Харьков. Встреча на вокзале. Бракосочетание и четверть века вместе...

Сидя за новогодним столом, я вспомнил и старый одесский анекдот:

«Смейтесь — смейтесь! От смеха тоже дети бывают!»... И что же вы думаете, уважаемый читатель? Ровно через два года, в 1932 году, у нас родился сын Игорь!

Тамадой новогоднего стола единогласно был избран Михаил Гаркави. И среди многих тостов и речей, шуток и смеха тамада предложил тост за самых молодых — за Максимилиана Труцци и его жену Софи, незадолго перед этим справивших свадьбу. И грянуло как из пушки: «Горько! Горько!» Молодожены не заставили долго себя упрашивать. Вскоре Гаркави снова провозгласил тост. На этот раз за молодых артистов эстрады Одессы и Харькова. А народ, сидящий за столом, не очень вдумываясь в смысл тоста и будучи навеселе, с тем же энтузиазмом дружно прокричал: «Горько! Горько!». Что нам оставалось делать?

Это был первый за время нашего знакомства поцелуй.

И вот мы снова в вагоне поезда, на этот раз идущего в Москву. Мы по-прежнему шутим и смеемся, но какое-то новое настроение начинает рождаться в наших отношениях. В

ме пригласительную телеграмму на свадьбу».

Дрожащими от счастья руками я передаю маме письмо и вдруг слышу ужасное, безнадежное: «Только через мой труп!».

...Кажется, Бог, которому я еще в детстве, будучи певчим в синагоге, пропел столько божественных песен, собирался помешать моему счастью.

Как раз за полгода до моей встречи с Шульженко мой старший брат Эмиль Кемпер (тоже куплетист) женился на артистке Марии Ивановне Дарской. Со слезами на глазах мама воскликнула:

— Великий Мойше Рабейни! Моисей! Сначала Эмиль! А теперь от закона предков отступает мой мызынек (самый младший).

Собрав всех родственников, мать держала перед ними речь, полную обиды, горечи, и закончила словами: — Евреи! Что же это получается?! С одной стороны — Ивановна! С другой стороны — Ивановна! А я, мадам Кемпер, в середине?! Ну что скажут предки?

Не дожидаясь ответа предков, она запретила мне ехать в Харьков. Я не посмел ее послушаться — я слишком любил мать, слишком много у нас с